

О патографии и израильской прозе

Лилия Штекель

ПАТОГРАФИЯ – (греч. pathos – болезнь, grapho – писать).

Изучение творчества писателей, поэтов, художников, мыслителей с целью оценки личности автора как психически больного.

Патография литературного творчества – область на границе психологии, психиатрии, с одной стороны, и лингвистики, литературоведения и психолингвистики, с другой.

Близка психоаналитическому

взгляду на литературу. Изучает художественное творчество с точки зрения выраженности в нем патологических черт личности (автора).

Широко представлена в публикациях «Клинического архива гениальности и одаренности»

«Википедия» – свободная энциклопедия

Я не люблю писать о спектаклях экс-пресс-рецензии. Больше пишешь о впечатлении, об общей картине, но есть в таких «впечатлениях» своя правда. Ведь большинство из нас, увидев театральный спектакль один раз, вряд ли пойдут на него еще раз (не будем говорить о фанатах, посещающих все спектакли с участием кого-либо). И таким, каким спектакль получился в тот вечер, каким увиделся, таким он и останется в памяти большинства зрителей.

На одном из одесских культурных форумов в Интернете о «Танахшпиле», поставленном Евгением Лавренчуком, было написано, что «вся Одесса треснет», когда спектакль увидят. Одесса треснула. На две неравных части: принимающих и не принимающих то театральное действие, которое мы увидели в Одесском русском драматическом театре. Средней части, сомневающейся, почти нет. И это очень жалко. В прессе мне на глаза попала только рецензия Евгения Женина, вся такая ругающаяся и плюющаяся, что стало стыдно за журналиста, которого так проняло то, что он увидел, и в конце рецензии он предлагает гнать все это из Одессы соответствующей метлой. Все пока молчат. Думают. Собираются с духом. Помнится, о «Сумерках богов», предыдущем спектакле в постановке Лавренчука, тоже почти ничего в прессе не было, а ведь это – один из самых интересных и тонких спектаклей Одессы, изящный, без пошлости. Я помню, как спектакль закончился, зрители отхлопали, а в фойе собрались в кружок наши театральные критики. Смотрели друг на друга и молчали. Не знали, что сказать? Боялись сказать и выглядеть при этом как кто? Конечно, непривычно! Конечно, мы не умеем отпускать себя и плыть по воле волн спектакля, мы отвыкли от этого. Нам что, страшно, что ли, почувствовать себя в другом материале?.. Такое ощущение, что мы отвыкли удивляться и радоваться за тех, кто еще не отвык. А спектакль чудный, тонкий, ассоциативный. И модный среди «продвинутой» молодежи! К сожалению, только на

молодежных интернет-форумах понимаешь, что большинство молодых не знает, кто такой был этот самый Вертинский, ассоциаций знаковых никаких, и благодаря такому спектаклю все эти мальчишки и девочки будут о нем хотя бы ЗНАТЬ, будут об этом ДУМАТЬ, а со временем и оценят, как ценит его старшее поколение. Так пусть он будет модным, неконсервативным! Почему молодые должны ДУМАТЬ и ПОНИМАТЬ так же, как мы? Ничего они нам не должны!

Но вернемся к нашим баранам. Конечно, не нужно думать, что после просмотра «Танахшпиля» все те, кто не знал, кто такие израильские евреи, будут считать, что в Израиле все мужчины ходят в полурасстегнутых штанах и в рубашках нараспашку. Что

говорить они могут в основном о сексе. Что еврейки, сходя с ума, становятся китайскими генералами. Что зуд в анусе, обсуждаемый с девушкой на первом свидании – это норма жизни. Да не в этом дело! Совсем не в этом!!!

Если бы не было заявки, связанной с Торой и Израилем, то все было бы куда проще. На другие государства и великие книги реакция была бы не такая жесткая. Пол-зала пришедших на спектакль были, так сказать, «в теме». И тут вдруг выясняется, что тема – совсем другая. И это было очень обидно. И мешало смотреть на происходящее на сцене объективно. Выбор же рассказов для инсценировки – личное дело

автора и режиссера, я бы тоже, будь я режиссером, взяла что-нибудь другое вместо чего-то увиденного, но это был бы другой спектакль. Израильская сатирическая проза очень отличается от нашей, она вообще жестче, иногда поверхностнее, иногда парадоксальнее. Табу никаких практически нет. Смех сквозь слезы, как мы привыкли, там тоже бывает, но иногда попадает что-нибудь чуть ли не на уровне «Камеди клуб», а иногда библейская мудрость проступает сквозь саркастический юмор, как будто смывается вся внешняя суета, как грубый площадной грим с трагического лица артиста. И вся абсурдность происходящего на сцене была призвана показать, как мы не ценим жизнь во всех ее проявлениях, на что мы тратим эту драгоценную жизнь.

Наша ЖИЗНЬ проходит мимо, а мы не видим этого за всей суетой. Наши друзья проходят мимо. Наши дети. Наши несостоявшиеся любви. Наша внутренняя свобода. А мы думаем только о том, что конкретно беспокоит в данную секунду. О воде, например. Когда будет вода? И побольше, пожалуйста. В Израиле, если Вы помните, вода – это вопрос жизни и смерти. Поэтому «сезон дождей» на сцене театра был вполне логичен. И если кого-то волновали девичьи прелести, облепленные мокрой одеждой, то это следует оставить на совести того, кто видит только это, мне наоборот показалось, что одежда на девушках была сшита из достаточно плотной ткани, по еврейским традициям, и лишний раз отвлекать зрителя на созерцание форм не будет. И если уж об этом говорить, то в наших театрах и на телеэкране мы видим столько всего «облепленного», но почему-то никто никого метлой не гонит, просто можно переключить канал (вопрос – куда?..). Или уйти со спектакля, как герои одного из рассказов. Но можно не уходить, а остаться и попытаться прислушаться и понять. Как сделала одна из героинь, заживавшая свечи на кубках и пускавшая эти кубы в мягкое плавание по воде. Она рассказывала, как была в театре, и многие уходили, но она осталась и досмотрела. Представляете, сидишь в зале, закипаешь благородной ненавистью к тому, что сделали из израильской прозы, а тут тебе – выход из данного положения. Некоторые так и ушли. Мы остались, но после этого очаровательного монолога уходить уже не хотелось, и стало казаться, что не зря сидим! Все расслабились, а тут ещё эта надпись: «Режиссер издевается!» Мне кажется, лишняя.

Ханох Левин вообще не нуждается в оправданиях. Да! Вот такой вот он был!

«Ханох Левин (1943-1999) был одной из самых блестящих звезд на небосклоне израильской культуры. Культовый писатель, провокативный драматург и режиссер, нарушитель общественного спокойствия, он был признан классиком еще при жизни, пройдя за тридцать лет творчества долгий путь от всенародной ненависти до всенародной любви». Источник: cursorinfo.co.il/culture/2004/12/12/levin.

Ханоха Левина и Этгара Керета, чьи новеллы были использованы, нужно просто попробовать почитать, и тогда, прочитав, прийти еще раз на спектакль.

И пусть артисты говорят, так преувеличенно артикулируя, зато зрители услышали и запомнили все, что было произнесено. Ни одно слово не пропало всуе. Может быть, кому-то померещились «сисиськи», но сказано было «сосиська» – о сосиске с булкой, и у автора (Левина), и у режиссера.

И пластика, глядя на которую вспоминается мейерхольдовский термин «биомеханика», тоже не была здесь лишней. И хореография Юлии Пуриной, вписавшаяся в тему, была органичной для спектакля.

Декорации, задуманные Е.Ефимом и воплощенные Григорием Фаером, не оправдали ожиданий. Почему, если Танах и евреи, то сразу – Марк Шагал? Потому, что больше ничего нет? Но это не так. Потому ли, что подобное (Шагал и полиэтиленовая пленка) делал в 2006 году в спектакле по тому же Ханаху Левину Роман Виктюк, у которого учился Евгений Лавренчук? Или, если мы все равно никогда того спектакля не увидим, то нам, провинциалам, можно и так?.. Но есть интернет, канал «Культура» (исчезнувший, кстати, с кабельного телевидения!), всё равно все узнают о таком «дежа вю», рано или поздно. Хорошо хоть старая идея с кубиками, из которых можно сделать все, выручила.

А еще дождь на сцене – это было здорово и неожиданно. И вообще во второй половине спектакля, когда появился наконец-то контакт с залом, многие сцены воспринимались и понимались хорошо. Произошло это после как раз во время рассказа об уходе со спектакля, сыгранного актрисой в стиле Литвиновой. Хорошо был принят и эпизод с человеком, в котором, оказывается, все ошибались. И история Авраама и Сарры, которая у израильского писателя Этгара Керета получилась такой грустной, тронула наши души. И Моисей, в духе студенческих театральных этюдов, тоже зрителям понравился.

Мальчик, связывающий действие в одно целое, очень хорош и естественен. Молодые артисты тоже очень старются, им нравится работать в этом спектакле, им не скучно, и это передается залу. И это хорошо.

Финала с катарсисом как-то не получилось, вот что плохо. Ей-богу, мы все в зале ждали, что за все наши страдания мы получим этот момент истины, за который все режиссеру простим: и отсутствие сюжета, и издевательство над зрителем, и слабоватые устаревшие шутки о величине Израиля на карте. Но как-то не дотянулось. Чего-то не хватило. Сбычи несбывшихся надежд. Ведь все мы идем в театр за счастьем, за синей птицей, как это ни назови. И, если честно, – за тем, что ХОТИМ услышать и увидеть. Заявки были очень большие, но они не так сработали. «Шел в комнату, попал в другую».

Схожу ещё раз. Может, в этот раз мне повезет больше? И, может быть, откликнется кто-нибудь еще, кому всё это небезразлично. Ведь такого спектакля у нас еще не было – без дидактики, неожиданного, либерального. Абсурд, не правда ли?.. Или патография нашей безумной жизни.